

Выдающейся внешности я не имел никогда, но девушкам нравился своим умом и основательным снисходительно-философским подходом ко всему. Поэтому первоначально у меня хоть и были проблемы в общении с противоположным полом, то к институту они все прошли целиком. В общем-то меня уже к тому моменту пресытила романтика, и я в отношениях с девушками вёл себя достаточно прагматично. Постоянной подружки у меня не было, но это меня несколько не ущемляло, скорее наоборот радовало — свобода выбора давала свои плоды. В общем-то те девушки, с которыми я общался, делились на два класса — с которыми можно сначала погулять под луной и под конец закончить всё в постели, и те, с кем можно пообщаться в принципе почти на равных, при этом сохраняя взаимный хищный интерес:) Алёна — самая сексуальная, но в то же время самая стервозная девушка в нашем институте. Знаете, как это бывает — когда есть один лидер в сообществе, а здесь это было женское сообщество, и всё подчинено ей. Все остальные либо поддакивали ей, либо были обречены на вечные тычки и издевательства. Да и те, кто поддакивал, тоже часто становились жертвами всевозможных розыгрышей и нападок, если чем-то бесили Алёну. Для неё парни делились на две категории — неудачники и те, с кем ещё можно общаться. Алёна, сама по себе, достаточно красивая девушка, но немного испорченная массой косметики и модными шмотками. Скажем так, вся её красота — в её дикой сексуальности. У таких девушек, как она, чаще всего особенные отношения с мужским полом. Её бойфренды — либо богатые мускулистые парни на модных машинах, либо опять таки же небедные солидные взрослые дяди. В институте я держался всегда достаточно самостоятельно, и с ней у нас интересы редко когда пересекались. А когда пересекались, то скорее мы вели по отношению друг к другу нейтрально-положительно, то есть и не уделяли друг другу особого внимания, но и были всегда на одной стороне, могли позволить обменяться мнением в отношении кого-то из «придурков» или «дур», или просто сдохнуть, но всё это было только в рамках редких общих дел; свободное время мы никогда не проводили в одной компании.

Я не отношусь к категории мажоров, у меня нет дорогой машины, но в последнее время я стал замечать, что Алёна как-то чисто по-женски редко стала на меня бросать взгляды. Это конечно мне льстило, но ничего определённого это не значило. Постепенно она очень осторожно начала пытаться со мной флиртовать, при этом всегда оставляя за собой путь к отступлению. Мне отчасти это было интересно и я постепенно включался в игру. Мы встречались под разными предлогами, стали болтать о пустяках, но всё-таки держались достаточно самостоятельно. Развязка пришла достаточно неожиданно, в течении нескольких дней наши отношения развились слово вихрь. Это не были обычные прогулки, поцелуи и романтические разговоры. Это был хищный секс, беседы, в которых была язвительная критика неудачников, совместные посещения баров и прочее.

В одно воскресенье мы собрались на вечеринку в коттедж к одной из её подруг. Родители уехали на несколько дней в другой город и всю ночь должна была идти грандиозная пати. Надо отметить, что мы с Алёной не вели себя как влюблённая пара. По сути каждый из нас двоих был самостоятельной звездой, но львиную долю времени проводили в одной компании, в которой была куча её и моих знакомых. Вечер был в самом разгаре и мы поднялись с ней наверх в одну из спален, в которой сидело ещё четыре девчонки. Мы не

влились в их компанию, а сели отдельно, где стали беседовать на разные темы, которые планомерно перешли в тему наших взаимоотношений. Три девушки куда-то ушли, с нами осталась всего одна, которая сидела недалеко от нас и видимо, выдохнувшись от дискотеки и выпивки, готовилась последовать за теми трёмя. Мы были немного пьяны, всё приближалось к сексу, но тут Алёна меня просто огорошила:

— Я хочу ребёнка, — заявила она.

— Да, но...

— Я хочу, чтобы ты сделал ребёнка.

— Да, но как ты это представляешь?

— Сделай ребёнка ей! — громко произнесла Алёна и указала на рядом сидящую девушку. Рядом сидела Женя, одна из тех глупых девок, которая была одновременно и тихоня, и не отличалась особым умом и внешностью. Женя панически боялась Алёны и встрепенулась, услышав, что речь идёт про неё.

— Слышь! Эй! Раздевайся! — приказала ей Алёна.

— Давай, трахни её, а потом идём ко мне, — она улыбнулась той улыбкой, которая всегда предшествовала нашим сексуальным забавам.

Женя подавленно смотрела на нас. Внутри она трепетала от страха и унижения.

— Но я не хочу, я не согласна, я не могу!

— Слышишь, ты! Ты что не поняла, раздевайся!

— Но нет... я не буду... я не могу!

— Ты хочешь, чтобы я тебя сгноила, лохушка? Чтобы все в тебя тыкали пальцем и смеялись?

— Нет, Алён, хватит шутить, ну пошутили и хва, — пришибленно отвечала Женя.

— Так, если ты сейчас не разденешься, с завтрашнего дня тебя все будут чмырить, сука.

Женя застыла в нерешительности, она жалко смотрела на свою мучительницу. Через пару секунд она опустила руки к застёжке ремня на джинсах.

— Так, возьми бумагу и жри её, а то завтра можешь не появляться на глаза никому, — разошлась Алёна.

Женя промедлив секунд пятнадцать, пристально глядя на Алёну, протянула руку и взяла с тумбочки страницу, вырванную из журнала и поднесла ко рту. Немного медля оторвала зубами кусок от него и сделала пару жевательных движений.

— Вот вот, хорошо! А теперь живо раздевайся!

Девка расстегнула ремень и пуговицу на джинсах, потом аккуратно стала спускать их. Она явно не была красавицей, хотя фигура у неё была более менее, но всё же далека от идеала. Тёмные волосы, смешное лицо с небольшим количеством подростковых прыщей, невыразительные глаза. Она стянула до конца джинсы и переступила через них. Белые трусы явно были не первого сорта, не отличались излишеством кружево и сохранили следы многочисленных стирок. Вообще она как-то безвкусно была одета. Может это вина излишне дешёвых шмоток, а может сама по себе она такая. Даже макияж у неё был больше портящим её, нежели красящим.

— Верх можешь не снимать, он же тебя не ласкать собрался! — хохотнув сделала замечание Алёна.

Девушка немного замаялась. Выражение лица у неё было какое-то глупое, но с глубокими следами дикого испуга.

— Давай дальше, чё встала? — продолжала хищница.

Женя стала медленно спускать трусы. На трусах с внутренней стороны виднелись белёсые остатки её засохших выделений и желтоватые пятна от мочи. Видать девка во всю отрывалась на вечеринке, возбуждалась наверное раз сто от парней — вот только никто с ней так и не стал ничего мутить. Да и гигиену, хоть и выпивши, тщательней соблюдать нужно! Вообще, можно сказать, что она была неухоженной девушкой, это было видно по мелочам, если присматриваться — неуклюже подведённые ресницы, неаккуратно нанесённая тоналка...

— Ложись! — это было адресовано Жене.

— Ну что, давай её, а потом ко мне — я сама уже горю!

Женя неуклюже легла на кровать, немного раздвинув ноги. Её лобок был выбрит, но зарождавшаяся раздражающая щетина делала половые губы красными. Между двумя большими губами выглядывали бордовые малые, на которых блестел её сок вперемешку с остатками белых выделений от прошлого возбуждения. Она с интересом смотрела на меня. Я начал аккуратно ложиться сверху, начав своё движение над ней от её ног. Мой нос в какой-то момент оказался в пятнадцати сантиметрах от её пизды. Я почувствовал пряный запах женщины вперемешку с запахом пота и мочи. Этот терпкий запах говорил о том, что она хочет меня. Мой член упёрся в её вульву. Ещё немножко и я на четверть вошёл в неё. Она была мокрой и горячей внутри, у неё выделялось столько сока!

— Давай лучше её раком, — сказал Алёна, — нечего ей такую честь!

Я вышел из Жени. Она сама встала и повернулась ко мне задницей, встала на колени на кровати и выгнулась. Мой член был весь в её вязком соке. Я подошёл к ней, и вновь мне в нос ударил запах её пизды. Я резко вошёл в неё и начал трахать. Я получал удовольствие от того, что так запросто без презерватива трахаю тупую девку только ради того, чтобы она от меня залетела. Я не думал о её удовольствии, я просто имел её. Мне нравилось вгонять свой член в неё. Капли её сока стекли мне на мошонку, на основании моего члена застыли остатки её белых выделений. Она сопела и тоже получала удовольствие. Алёна сидела и с интересом наблюдала, зажав рукой себе промежность. В какой-то момент я кончил и почувствовал, как упругие струи моей спермы стали вливаться в деку, заливать всё у неё внутри. Она застонала и выгнулась. Я вынул член, который весь был в смеси моей спермы и её влагалищных выделений. Я повернулся к Алёне, на её лице застыла торжествующая злорадная улыбка. Она подошла ко мне, запустила свою руку к себе в трусы, присела на колени и взяла в рот мой член. Она стала стала облизывать и обсасывать его. Потом слизала с мошонки капли сока и губами собрала с основания моего члена белую массу, оставшуюся от немытой Женькиной пизды. Женька, отрешенная, лежала на кровати, но с интересом наблюдала. В её глаза мелькнул огонёк торжества, толи от того, что она трахнулась со мной, то ли от наблюдения, как Алёна, самая припонтванная, вылизывает оставшееся на моём члене от её, Женькиной, пизды. Потом Алёна шикнула на Женьку, чтобы та убиралась, и стала раздеваться